СЕМИОЛОГИЯ АСТРАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

К. В. Иванов

Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия
konstantine@yandex.ru

В течение долгого времени идеограммы и графемы неолитического периода интересовали преимущественно археологов, этнологов, культурологов и историков религии. Однако с развитием и упрочением дисциплинарных позиций археоастрономии они все больше становились предметом внимания историков астрономии. Несомненная ориентированность памятников эпохи бронзы по значимым солнечным и лунным направлениям, связанным с азимутами восхода и / или захода этих светил в экстремальные моменты солнечных и лунных циклов, убедительно свидетельствует о том, что представители бронзового века были неплохими астрономами. А это, в свою очередь, означает, что для полноценного понимания оставленной ими символики (если она действительно являлась таковой) нужно обладать компетенцией астронома, хорошо знакомого с основами хотя бы сферической астрономии.

Эпоха бронзы в фазе ее наивысшего развития прекрасно ориентировалась по сторонам горизонта, имела представление о тропическом годе как о цикле повторений положений Солнца относительно горизонта, знала о солнцестояниях и равноденствиях, различала азимуты самой высокой и самой низкой Луны, возвела монументальную архитектуру для регулярных наблюдений за Солнцем и Луной и даже изобрела первое, идеографическое, письмо, хотя и не повсеместно. Очень сложно представить, чтобы столь насыщенная система представлений и действий родилась разом, без эволюционного накопления деталей этого довольно сложного знания и цепочек ярких прозрений, подготовивших итоговое открытие, материализовавшееся в каменных и письменных памятниках бронзового века.

Указанное обстоятельство вынуждает нас с максимальной пристальностью всматриваться в символику эпох, предшествовавших бронзовому веку, а именно – в символику неолита и энеолита. Не сохранила ли она в себе каких-то следов формализации первичных астрономических наблюдений, результаты которых были усвоены, усовершенствованы и широко использованы представителями бронзового века? В данном исследовании предпринимается попытка, используя систему значений неолитических знаков Ариэля Голана и гипотезу стадияльного называния знаков зодиака Александра Гурштейна, выявить в комплексе неолитических символов, графем и идеограмм знаки, предположительно употреблявшиеся для обозначения астрономических значений.

В ходе семиологического анализа неолитических идеограмм выявлены категории символов и знаков, сложно поддающихся интерпретации с точки

зрения данных археологии и этнографии, но имеющих очевидные признаки корреляций с ритмами смены сезонов тропического года. Это так называемые знаки «двух солнц», «Ф-образные знаки» и «четырёхчастно-парные символы». Анализ их вероятной семантики позволяет предположить, что появлению концепта «протозодиака» могло предшествовать более простое бинарное членение года, маркируемое оппозицией зимнего и летнего солнцестояний. В связи с этим внесены уточнения в гипотезу Гурштейна, касающиеся семантики и символической значимости первого зодиакального квартета.

Ключевые слова: археоастрономия, раннеземледельческий неолит, неолитическая символика, зодиак, первый зодиакальный квартет, ритуал, неолитическая религия.

SEMIOLOGY OF PRELITERATE ASTRAL FIGURES

Konstantin V. Ivanov

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
konstantine@yandex.ru

For a long time, ideograms and graphemes of the Neolithic period were primarily the particular archaeological, ethnological, cultural, and theological interest. However, as archaeoastronomy consolidated its disciplinary positions, they were increasingly becoming a matter of attention for historians of astronomy. Indisputable alignments of archaeological remains toward the points of midsummer and midwinter risings and settings of the sun shows conclusively that people of the Bronze Age were expected to have a still greater knowledge of astronomy. The broad truth of the cyclical movements of the points of rising and setting and their correlation with the cycle of growth in nature was certainly known from very early times. That, in turn, means that the thorough understanding of the oldest symbolism to have come down to us – if it, in fact, was so – is only possible when a researcher is familiar at least with spherical astronomy. At their highest stage of development the Bronze Age people certainly knew the cardinal points of the horizon; they were aware of the tropical year as a cycle of repetition of the position of the sun against the horizon; they knew about solstices and equinoxes; some of them distinguished between azimuth positions of the highest and the lowest moon; they built monumental architecture for regular observations of the sun and the moon, and even invented writing, though not everywhere. It would be hard to imagine that such a complicated system of ideas and actions was created all at once, without an evolutionary accumulation of that rather complex knowledge and a concatenation of insights which came together to make the final discovery embodied in stone

monuments of the Bronze Age. The given circumstance forces us to look closely into ideograms of the pre-Bronze Ages, namely the Neolithic and the Aeneolithic ones. Is it possible to find there some traces of formalization of primary astronomical observations which could be assimilated, developed, and widely adopted by representatives of the Bronze Age? This study attempts to identify among the corpus of Neolithic symbols, graphemes, and ideograms those of them that could be supposedly used as denotations for astronomical meanings. The article uses the system of Neolithic meanings developed by Ariel Golan as the reference body. The astronomical part of the study is based on the gradualist concept of the Western Zodiac by Alexander Gurshtein. In the course of a semiological analysis of Neolithic ideograms, categories of symbols and signs have been identified that are difficult to interpret from the point of view of archaeological and ethnographic data. However, they show clear signs of correlation with the rhythms of the seasons. Among these are, for instance: the so-called sign of 'two suns,' 'Φ-shaped' signs, and 'four-part-binary symbols.' Analysis of their probable semantics suggests that 'protozodiac' concept could have been preceded by a simpler binary division of the year indicated by opposition between the winter and summer solstices. In this regard, clarifications, concerning semantics and symbolic meanings of the first zodiacal quartet are included in the hypothesis by Gurshtein.

Keywords: archaeoastronomy, early agricultural Neolithic culture, Neolithic symbolism, zodiac, first zodiacal quartet, ritual, Neolithic religion.

DOI 10.23951/2312-7899-2021-4-81-116

Введение

В предлагаемой статье сплетаются два побудительных мотива, один из которых сосредоточен на интересе, относящемся почти исключительно к истории знания – к попытке понять, как люди давних эпох, когда еще не была изобретена письменность, мыслили мир. Второй мотив не столь очевиден. Он основан не столько на интересе, сколько на беспокойстве, неизбежно возникающем в случае, когда мы – вполне вынужденно – пытаемся объяснить особенности бесписьменной культуры, используя в качестве главного инструмента лингвистические модели и письменный текст. Насколько допустимо подобное вторжение? Не носит ли оно характер бесчинства? Уместна ли лингвистика в мире дописьменных графем и идеограмм? Не имеем ли мы здесь дело с некой принципиальной несопоставимостью, грозящей разрушить самое драгоценное в предмете нашего исследования одним лишь прикосновением

к нему? Эти и другие подобные вопросы очерчивают зону, внутри которой письменный язык воспитывает в себе чувствительность к феноменам, относящимся к сфере неписьменного и нечленораздельного.

Преодолевать указанный разрыв можно несколькими способами. Во-первых, можно вслед за Ф. Соссюром предположить, что существует огромное количество знаковых систем, среди которых система, построенная с помощью членораздельного языка, является лишь одной из многих. А потому лингвистика – это лишь раздел более широкой науки о знаках, на роль которой с полным правом претендует семиология. В таком случае использование письменного языка для анализа неписьменных систем становится вполне легитимным, поскольку оперирующее различными знаковыми системами существо – человек – обеспечивает им имманентное единство, и анализ одной системы с помощью знаков другой системы будет аналогичен задаче перевода. То есть мы с большой вероятностью будем сталкиваться с ситуациями, когда невозможно осуществить аутентичный перевод, но некое смысловое единство обязательно будет улавливаться нами, пускай в искаженном, но все же во вполне узнаваемом виде.

Можно решиться на более категоричное утверждение, как это делает К. Леви-Строс, и заявить, что с открытием и расшифровкой генетического кода структурная лингвистика обрела статус естественной и объективной науки. Наш членораздельный язык является прототипом того всеобщего языка, которым пользуются все формы жизни, начиная от микроорганизмов и растений и вплоть до высших млекопитающих. Язык, соотносящийся с реальностью посредством конечного количества дискретных фонем, способных породить хотя и исчислимое, но практически неисчерпаемое количество различных комбинаций слов и вариантов, подобен конструкциям из химических оснований, которые лишены самостоятельного значения, но, составив единицы более высокого разряда, способны уточнить определенную химическую субстанцию. Или, как говорит сам Леви-Строс, «природа, несколько миллиардов лет ведя поиск некоей модели, досрочно заимствованной у гуманитарных наук, не колебалась: она выбрала именно ту модель, с которой для нас связаны имена Трубецкого и Якобсона» [Леви-Строс 2007, 649–650]. То есть существует некое онтологическое родство между членораздельным языком и биосферой, благодаря чему невозможно даже вообразить пределы, которые ограничивали бы сферу применения структурной лингвистики у нас, на Земле.

Эта позиция оспаривается другим известным семиотиком, У. Эко, как слишком узкая. Он полагает, что если рассматривать знаки как коммуникативные коды, то в них можно выявить самые разные типы артикуляций, и двойное членение отнюдь не является догмой. Более того, могут меняться сами уровни артикуляции. Например, в карточной игре конечное количество карт может образовывать значения посредством определенного сочетания нескольких карт (каре, стрит, трис, покер и т. д.), и эти комбинации вполне уместно назвать «словами». Однако карты противопоставляются друг другу еще и по масти, по иерархии внутри масти, сами масти могут образовывать иерархии. Некоторые признаки оказываются дифференцированными в рамках одного расклада, другие – другого. Именно на этом основано многообразие карточных игр. То есть в одних и тех же знаковых системах всегда можно найти элементы дополнительной и более детальной артикуляции. Ошибка Леви-Строса, полагает Эко, заключается в том, что он не делает различия между одной конкретной реализацией и глубинной структурой, обеспечивающей возможность разных реализаций. Для него «всякая игра в карты – [это только] бридж» [Эко 2006, 185].

Не углубляясь в дальнейшие методологические разногласия, упомянем, что в настоящей статье мы воспользуемся семиологическими наработками Р. Барта. Барт сбалансированно использует все известные ему находки структурных лингвистов, но «переворачивает» формулу Соссюра. «Лингвистика, – пишет Барт, – не является частью – пусть даже привилегированной – общей науки о знаках; напротив, сама семиология является лишь одной из частей лингвистики, а именно той ее частью, которая должна заняться изучением *больших значащих единиц языка*» [Барт 1975, 115]¹. Такая инверсия предоставляет ему возможность анализировать семиологические системы средствами структурной лингвистики. Кроме того, он широко использует теорию знака Л. Ельмслева, согласно которой традиционно выделяемые «означающее» и «означаемое» (в концепции Ельмслева – план выражения и план содержания соответственно) могут быть, в свою очередь, разделены на два уровня – форму и субстанцию. Согласно Ельмслеvu, форма – это то, что поддается исчерпывающему, простому и непротиворечивому описанию в лингвистике (эпистемологический критерий) без опоры на какие бы то ни было экстралингвистические посылки. Субстанцией же является совокупность различных аспектов лингвистических феноменов, которые не могут быть описаны без опоры на экстралингвистические

¹ Курсив Р. Барта. – К. И.

посылки. Как мы увидим далее, это разграничение играет очень важную роль в анализе идеографических систем дописьменных обществ.

Палеолитические лунные «календари»

Оставив до поры споры семиотиков относительно возможности применения методов структурной лингвистики к изображениям, отметим в качестве неоспоримого факта, что изображения занимают на всем протяжении существования человечества гораздо большее место, чем письменность. Образцы самых ранних текстов с весьма несовершенным идеографическим письмом датируются концом IV тыс. до н. э., в то время как наскальные рисунки, например в пещере Ласко, уже отличающиеся отменным художественным совершенством, относятся, по самым скромным оценкам экспертов, к XV тыс. до н. э. В связи с этим уместно задать вопрос: чем было изображение в те времена, когда оно еще не являлось иллюстрацией (то есть украшающим либо разъясняющим добавлением к тексту)?

Невозможно вообразить себе, чтобы изображения дописьменного периода никак не участвовали в общении людей друг с другом (иначе зачем было их изготавливать?). Они, безусловно, являлись тем, что У. Эко называет «феноменами коммуникации» [Эко 2006, 151]. Из этого можно заключить, что они исполняли роль особых знаковых систем, то есть обозначали зазоры между означающим и означаемым, определяя границы значений и задавая пространство смысла. Если говорить об астрономических изображениях (а именно они будут интересовать нас в этой статье в первую очередь), то в дописьменных культурах они присутствуют в изобилии. Это преимущественно изображения дисков Солнца и Луны, лунный серп, а также звезды и наиболее узнаваемые астеризмы, такие как рассеянное звездное скопление Плеяды или ковш созвездия Большая Медведица. Однако наиболее значимая и по-настоящему научная информация (если понимать под наукой умение классифицировать явления, объединять их в системы и на основе этого осуществлять прогнозирование) передавалась не буквальными рисунками, а системами многозначных идеограмм, несущих в себе совокупности, или «пучки», дополняющих друг друга значений, в число которых со временем стали встраиваться все более уточняющиеся астрономические значения.

Мы обладаем огромным количеством свидетельств того, что небо было объектом пристального внимания людей с очень давнего времени. И в этом можно усмотреть определенный парадокс. Ведь совершенно очевидно, что астрономические объекты не могли быть предметами прямого утилитарного интереса. Они были недостижимыми и исключали возможность манипулирования ими (нельзя было съесть их или построить из них жилище). Тогда что могло быть субстанцией содержания астральных знаков? Каким образом они встраивались в прагматику человеческого восприятия и действия? Ответить на этот вопрос довольно сложно. Для начала обратим внимание не на изолированные знаки, а на образуемые ими простейшие синтагмы, например последовательность отметин в виде лунных серпов, вырезанных на костяных артефактах, обнаруженных в культурах, разбросанных в пределах широкого временного интервала от XXXVI до X тысячелетия до н. э. Разбиение метин по группам на найденных кусочках костей варьирует от 27 до 31 в каждой группе (ил. 1). Это дало основание А. Маршаку и его последователям заключить, что изображаемые последовательности представляют собой количество дней в месяце, а указанные пластины являются не чем иным, как инструментами счета дней в пределах одного или нескольких синодических месяцев [Marshack 1964].

Ил. 1. Костяная пластина (часть крыла орла), обнаруженная в пещере Абри-Бланшар (Франция). Пластина датируется примерно XXX тыс. до н. э. На кость нанесены засечки, выстраивающиеся в извилистую линию. Каждый извив содержит примерно 15 меток (возможно, фазы роста и убывания Луны). По предположению американского исследователя А. Маршака, эти засечки отражают ход дней синодического лунного месяца, а пластина в целом представляет собой примитивный лунный «календарь»

Гипотеза Маршака натолкнулась на плохо скрываемый скепсис профессиональных историков астрономии и археологов (Маршак был журналистом-популяризатором и не имел научной степени), но она слишком заманчива для семиотиков, поскольку позволяет приблизиться к пониманию субстанции содержания астральных знаков. В частности, приведенный пример подсказывает нам, что то, что означалось астральными знаками (в данном случае – засечками, предположительно являвшимися изображениями либо субститутами изображений лунного серпа и / или диска), само являлось означающим. Из знаков выстраивались стереотипные синтагмы, которые, имея характер устойчивого кода, означивали один из важнейших и широко используемых по сей день космических ритмов – синодический месяц (от новолуния до новолуния, а разница в три или четыре засечки могла объясняться разной техникой счета: что измерялось – период от первого замеченного серпа до последнего, от первого до следующего первого, от невидимости до невидимости и т. д., – все вариации должны осциллировать относительно истинного значения 29,5 суток).

То есть здесь мы имеем дело с усложненной, двухступенчатой последовательностью означивания, или коннотацией, когда означаемое одной системы становится означающим для другой. Иерархическое удвоение кода позволяло совершить довольно сложную операцию, которая означивала не вещи, а нечто нематериальное – ритм или цикл. Если угодно, это была операция по абстрагированию ритма путем перевода интуитивного представления об альтернативах (эмпирического восприятия смены дня и ночи) в дискретные графические последовательности, что, по всей видимости, было громадным прорывом в интеллектуальной истории человечества. Безусловно, указанные ритмы еще не являлись календарем, поскольку, как проницательно заметила Е. Г. Рабинович, «в любом календаре сосуществуют две концепции времени: циклическая и линейная» [Рабинович 1978, 143], в то время как в данном случае речь идет даже не столько о цикле, сколько именно о ритме². Тем не менее выявление космических периодичностей, вне зависимости от того, являются ли они календарными системами или нет, обладает очень важной

² Полноценный календарь обязательно должен обладать некой исходной точкой отсчета. Такими исходными датами для разных календарей были, например, день первой олимпиады, основание Рима, учреждение Французской Республики, переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (Хиджра) и т. д. От них велся счет времени, задаваемый единственным неповторяющимся параметром календаря – номером года от указанного значимого события.

прагматической функцией – способностью осуществлять прогнозирование.

Кочевой образ жизни пронизан ритмами и выстроен из цепочек дедлайнов, диктующих последовательность перекочевков. Поэтому изобретение лунной шкалы счета дней должно было стать важной вехой в человеческой истории. Указанные ритмы не предполагали более широкой цикличности, чем цикл смены лунных фаз. Мусульманский лунный календарь до сих пор продолжает оставаться не согласованным с сезонами. И вполне вероятно, что причиной этого является то, что Пророк родился среди кочующих народов Аравии. Тем не менее лунные ритмы вполне годились для регламентации последовательности перекочевков в пределах двух-трех синодических месяцев, что и являлось субстанцией содержания описанных синтагм-кодов. Чтобы завершить описание этих знаков, упомянем, что субстанцией выражения в данном случае были засечки на какой-либо относительно податливой, но прочной поверхности. До нас дошли костяные пластины, но теоретически аналогичные засечки можно было вырезать и на дереве. По понятным причинам недолговечные деревянные изделия отсутствуют в арсенале археологических находок, сохранившихся с тех времен³. Соответственно, формой выражения в данном случае были стереотипные синтагмы, состоявшие из засечек, разделенных на группы, количество засечек в которых примерно соотносилось с количеством дней синодического месяца, а формой содержания – периодичность смены лунных фаз.

Учет сезонных изменений

Гипотеза о том, что субстанцией содержания астрономических знаков могло являться регулирование жизненных ритмов, а не «физическая природа» обозначаемых ими предметов, дает важный ключ к расшифровке многих других древних символов. Их семантика продолжает оставаться предметом жарких дискуссий, а потому представление о ней весьма размыто. Однако в силу того, что мы нуждаемся в конечной сумме по возможности не противоречащих друг другу фактов, нам придется на свой страх и риск стать на

³ Это вынуждает нас поставить отдельный самостоятельный вопрос: насколько репрезентативны с точки зрения внутренней логики дописьменных культур находки, воплощенные исключительно в долгоживущем материале? Увековечивали ли они то, что было широко распространено, или производились как некое уникальное изделие?

сторону одного из разработчиков систем значений древних идеограмм, отдав предпочтение не дискуссионной открытости, а концептуальной замкнутости. И в данной работе мы возьмем за основу систему, разработанную А. Голаном (А. Ф. Гольдштейном)⁴.

Голан выстроил внешне непротиворечивую систему, основанную на сходствах и различиях, выявляемых им в корпусе устойчивых древнейших идеограмм. Применяемый им метод (точнее, самая результативная составляющая этого метода) вполне соответствует проверке исследуемых им идеограмм и графем на коммутацию и субституцию, хотя сам он предпочитает называть его комплексным анализом и перекрестными сопоставлениями. Предмет исследования Голана вынужденно диахроничен, но он пытается учесть эффекты, вызываемые диахронией, вводя упорядочивающую схему последовательных семантических изменений, которым подвергались одни и те же символы и знаки в процессе перехода от верхнего палеолита к неолиту, а через него к эпохе бронзы. Например, древняя и очень устойчивая графема «кружок с точкой в середине» интерпретируется им как обозначение: в палеолите – небесного ока, или пупа; в раннеземледельческом неолите – набухшего зерна (после того как оно пропиталось небесной влагой); в эпоху бронзы – солнца (интересно отметить, что в современной астрономической символике тот же самый знак является стандартным индексом, обозначающим принадлежность к Солнцу, например, $M_{\odot}$ – масса Солнца, $R_{\odot}$ – радиус Солнца и т. д.).

Голан с особой пристальностью сосредоточивается на символике раннеземледельческого неолита, которая была «уже довольно сложной и многообразной» [Голан 1993, 10]⁵. Она последовательно аккумулировала символику предыдущих эпох, существенным образом дополнив ее символами, характерными для раннеземледельческого уклада. Период раннеземледельческого неолита представляет особый интерес и для нас, поскольку именно к нему, судя по всему, относится время изобретения зодиака как способа учета смены сезонов.

Если исходить из гипотезы поэтапного называния зодиака А. А. Гурштейна, зодиакальные созвездия назывались не сразу, а последовательно – по четверкам созвездий, или, как говорит сам Гурштейн, «квартетами» [Gurshtein 2017, 41]. Суть гипотезы заключается в следующем. Год делится на четыре сезона, для каждого из

⁴ Она более или менее полно изложена в книге: [Голан 1993].

⁵ См. также обзор литературы на эту тему: [Корниенко 2017].

которых характерны свои климатические условия⁶. Поэтому каждой эпохе должны соответствовать четыре знака, помечающие весну, лето, осень и зиму. Середины сезонов задаются моментами, когда Солнце, двигаясь по эклиптике, проходит через точки равноденствий (пересечения эклиптики и небесного экватора) и точки солнцестояний (максимальные отклонения от небесного экватора по склонению). Однако из-за прецессии точки равноденствий и солнцестояний непрерывно смещаются примерно на 1° за каждые 71,6 лет, поэтому их положениям в разные эпохи будут соответствовать разные зодиакальные созвездия. Относительно простой пересчет показывает, что на период с 6000 до 4300 г. до н. э. точка весны находилась в созвездии Близнецов, лета – в созвездии Девы, осени – в созвездии Стрельца, а зимы – в созвездии Рыб. Именно в этот период, утверждает Гурштейн, появился первый протозодиакальный квартет. Спустя примерно две тысячи лет сезонные точки сместились на 30°, т. е. на 1/12 часть окружности, или ширину одного зодиакального знака, в результате чего в период с 4300 по 1800 г. до н. э. был назван второй квартет с обозначением соответствующих точек солнцестояний и равноденствий созвездиями Тельца, Льва, Скорпиона и Водолея (именно тогда, считает Гурштейн, зодиак стали называть «кругом животных»). Наконец, еще через два тысячелетия – с 1800 по 1 г. до н. э. – был назван последний, замыкающий квартет (Овен, Рак, Весы и Козерог, точнее, если судить по знакам на межевых камнях, «Козерыб» – козел с рыбьим хвостом). Так появился зодиак в его настоящем виде из 12 знаков.

Если Гурштейн прав, то время называния протозодиака (первого квартета) приходится на период расцвета неолитической раннеземледельческой культуры, а следовательно, он должен нести в себе следы ее символики. Действительно, несложно заметить, что в неолитическом протозодиакальном квартете почти все знаки антропоморфны, и это отнюдь не «круг животных». В нем присутствует Дева, и мы знаем, что неолитической религии был свойствен культ поклонения Великой богине, которая считалась верховной и отождествлялась с небом. Есть там и Близнецы. В отличие от Девы, поклонение которой зародилось еще в верхнем палеолите, Близнецы являются символом, впервые появившимся именно в неолите. Гурштейн находит вполне уместным отождествить в первом (дописьменном) квартете:

⁶ «Конечно, деление года на четыре сезона справедливо только для умеренных широт, – добавляет Гурштейн, – но сегодня считается общепризнанным, что все известные древние цивилизации именно там и развивались – в умеренных широтах северного полушария» [Gurshtein 2017, 41]. Перевод мой. – К. И.

точку весны с временем пробуждения природы и благостным знаком Блиźнецов; точку лета – с временем созревания урожая и Девой, устойчиво изображаемой в виде беременной женщины, как символом плодородия; точку осени – с сезоном охоты и быстро снижающимся Солнцем, пораженным стрелой Стрельца; точку зимы – с временем умирания природы и Рыбами как символом смерти.

Гипотеза Гурштейна выглядит крайне привлекательно и кажется концептуально слаженной. Ее астрономическая логика безупречна. Однако ее семиологический аспект вызывает вопросы. Уже самое беглое знакомство с семантикой неолитических изображений выявляет очевидную полисемичность неолитической символики, а потому, даже если логика Гурштейна верна, речь должна идти не столько об однозначном отождествлении, сколько о сложной игре денотатов и коннотаций, что является совсем не второстепенным вопросом в семиологии. Например, если считать, что знаки Девы и Рыб находятся на противоположных семантических полюсах (рождение и смерть), то как объяснить появление изображений Девы с рыбой или даже Девы в виде рыбы? Кроме того, Дева считалась «хозяйкой воды», и в археологических материалах эпохи неолита есть идолы полуженщины-полурыбы. Как пишет А. Голан, «сам по себе культ рыбы без его конкретизации еще не может свидетельствовать о том, к какому божеству он относится. Во многих случаях удастся констатировать лишь факт почитания рыбы» [Голан 1993, 176].

Тем не менее мы должны быть благодарны Гурштейну за попытку ввести в оборот понятие «протозодиак». Первичное означивание существенно отличалось от последующих вторичного и третичного перекодирований именно фактом своей первичности. Динамические процессы в нем должны были доминировать над статическими, а ритуал – над мифом. Дискретное выделялось на фоне непрерывного лишь как первое угадывание, полное двусмысленностей и противоречий. Поэтому то, что справедливо для второго и третьего квартетов, вряд ли будет справедливым для первого. Семантика первого квартета должна была оставить в символике неолита знаки, имевшие незавершенный, переходный характер, разворачивавшиеся в направлении предельного обозначения, которое только должно было найти воплощение в установившихся сезонных знаках. А если это так, то неолитическая культура должна содержать синтагмы, прокладывающие траекторию к новой парадигме, прочно укоренившейся в последующих поколениях, – обозначению значимых (переходных) положений Солнца в ходе годового цикла.

Оппозиции сезонных экстремумов

Любая артикуляция осуществляет членение. Членение порождает различия, одна часть которых становится кодами, другая – вариантами. Расстановки кодов на фоне незначащих вариантов устанавливают смысл. Как писал об этом Барт, «означаемое не является ни актом сознания, ни материальной реальностью; оно может быть определено только из самого процесса обозначения» [Барт 1975, 132]. И далее: «Смысл устанавливается окончательно лишь благодаря этой двойной детерминации – значению и значимости» [Барт 1975, 138–139]. Каким образом производилось означивание, какие значения могли возникать при переходе от означающего к означаемому и в какие смысловые отношения они вступали друг с другом в случае раннеземледельческой неолитической культуры? Предполагали ли они какие-то особые формы артикуляции?

Проверка на коммутацию и субституцию позволяет выявить в неолитических синтагмах определенные значащие единицы. Например, круг как знак неба, и квадрат или крест как знак земли. Одновременно небесное ассоциировалось с представлением о доминирующем женском божестве, а земное – с мужским «низом». Из значимых элементов изображений удастся отождествить «дождь» (зигзаги либо гребенка), «семя» (точки либо маленькие кружки), «стороны света» (крест), «поле» (прямоугольник или решетка), «росток» (волюта), «облака» (полуovalы или треугольники), «пашню» (тоже oвалы или треугольники, но зачерненные либо композиционно ассоциируемые с низом) и т. д. Были также сильно стилизованные антропоморфные изображения, заметно отличающиеся от палеолитического буквализма. Знаки складывались в композиционные синтагмы, поддающиеся более или менее достоверной расшифровке. Например, ил. 2 может быть прочитана следующим образом: «небесные облака поливают зерна, лежащие в распаханном поле, и из зерен прорастают побеги». Здесь весьма парадоксальным образом пашня (зачерненные треугольники) расположена с внутренней стороны неба (внешнего oвала). Зерна изобразительно являются принадлежностью не столько распаханной земли, сколько облаков, подчеркивая символическую связь потенции заложенного в них роста с живительной силой небесной влаги, а ростки настойчиво пробиваются из земли навстречу облакам, символизируя фертильность космического союза неба и земли. Динамичное напряжение, заключенное в этом, казалось бы, простом символическом изображении, превращает его в полноценное произведение раннеземледельческого неолитического искусства.

Ил. 2. Приведено по «Собранию схематических рисунков» А. Голана в его книге «Миф и символ» (рис. 36: 3). Голан ошибается в атрибуции этого рисунка: по всем признакам это изображение, несомненно, либо относится к неолитическому периоду, либо воспроизведено позднее как попытка графического обобщения неолитической символики

Можно привести сотни примеров подобных интерпретаций, которые наглядно продемонстрируют обилие риторических тропов, применявшихся в «примитивном» языке знаков и устойчивых образов неолитической культуры. Дождь мог изображаться как слезы Великой богини (штрихи или зигзаги под ее глазами) или как ее распущенные волосы; кроме того, он мог ассоциироваться с гребнем. Удвоенная волюта ростка $\mathcal{V}$ – знак, который по сей день используется для обозначения точки весеннего равноденствия и ассоциируется с зодиакальным знаком Овна, – обозначала барана, символически отождествляемого с растительностью или, скорее, с жертвенной способностью прорасти. Однако, как предупреждает нас Барт, в случае семиологического исследования аналитик должен руководствоваться ограничительным принципом (принципом сущности), то есть «описывать предстоящие ему факты лишь с одной точки зрения» [Барт 1975, 161]⁷, фиксировать только те черты, которые важны с точки зрения смыслов, являющихся предметом его исследования, и исключать все остальные детерминирующие факторы. Поэтому нас должен интересовать исключительно астрономический аспект неолитических знаков.

Как и в случае с палеолитическим лунным «календарем», астрономическая составляющая неолитических знаков, по всей видимости, должна была подразумевать какую-то связь с ритмом или циклом. И вполне естественно предположить, что для земледельца, жестко привязанного к месту своего обитания, этим ритмом должен был являться порядок смены сезонов. Кочевники-охотники могли искусственно изменять продолжительность климатических сезонов, мигрируя вдоль меридиана (хотя понятно, что сезоны были важны и для них, особенно если цикл перекочевки был замкнутым),

⁷ Курсив Р. Барта. – К. И.

в то время как земледelec был полностью зависим от локальных условий своего обитания. Его способы воздействия на процесс вызревания урожая были крайне ограничены и целиком определялись погодными условиями. Сезоны для оседлого жителя должны были обладать гораздо большей значимостью, чем последовательность смены лунных фаз. Возможно ли найти графемы, каким-либо образом артикулирующие ритм смены сезонов?

Ил. 3. Неолитический символ «двух солнц», или «двух небес», по Голану («Миф и символ», рис. 278). Голан называет их «очковидным мотивом в орнаментике Западной Европы эпохи неолита» [Голан 1993, 354], однако добавляет в описании: «Представляется несомненным, что не глаза были темой этой графемы в ее исходных вариантах... эти глаза – явно удвоенный знак неба» [там же, 133]

Голан указывает на один из таких символов, называя его «двумя солнцами» (ил. 3). «Данный символ, – пишет Голан, подтверждая свой тезис приведением многочисленных графических примеров, – мог быть идеограммой понятия о двоичном состоянии солнца на протяжении года, т. е. о двух полугодовых фазах солнца» [Голан 1993, 132]. В данном случае Солнце было еще не божеством (это случится несколько тысячелетий спустя), а объектом наблюдения, позволявшим первым оседлым культурам маркировать экстремумы годового цикла. Подобно учету альтернаций в лунном синодическом

месяце, но не в отношении смены дня и ночи, а в отношении чередования солнцестояний, могла быть осуществлена первичная регистрация годового цикла. Во всяком случае «два солнца», которые в контексте неолитической культуры уместнее было бы обозначить как «два неба», – это один из устойчивых изобразительных кодов, практически повсеместно присутствующий в раннем неолите, но не обнаруживаемый в более ранних эпохах.

Нам кажется маловероятным предположение Гурштейна о том, что первый зодиакальный квартет был угадан целиком в виде уже сложившейся четверки. Именно в силу того, что первый квартет лишь угадывался, а не перекодировался (как следующие два квартета, в отношении которых логика Гурштейна, видимо, верна), его формированию должно было предшествовать более простое бинарное членение, тем более что фиксация двух полярных экстремумов внутри цикла автоматически задавала вторую пару оппозиций, но не по принципу противопоставления, а по принципу смежности. Эти две пары можно определить так: 1) оппозиция временных интервалов, в которых моменты солнцестояний занимали срединное положение; 2) оппозиция временных интервалов, в которых они являлись краевыми точками. В первом случае речь идет о событиях, отчетливо определяемых посредством наблюдений (остановка миграции точки восхода либо захода солнца относительно горизонта с последующим движением в обратную сторону, или самая длинная и самая короткая тени), а во втором – о двух переходных и противоположенных процессах: движении от «темного» неба к «светлому» (точки восхода и захода Солнца мигрируют в направлении севера, удлиняя продолжительность дня и укорачивая тень) и движении от «светлого» неба к «темному» (те же точки ежедневно смещаются на юг, удлиняя уже не день, а ночь, и, соответственно, тень, отбрасываемую предметами). В первом случае центрами интервалов будут точки солнцестояний⁸, а во втором – равноденствий.

Ил. 4. Идеогаммы, выделенные Б. А. Рыбаковым в гончарной росписи трипольской культуры

⁸ Следует обратить внимание, что в современном языке эти моменты тоже обозначаются единственным словом – «солнцестояние», для которого понятия «зимнее» или «летнее» выполняют роль вспомогательного переключающего предикатива.

Удивительным образом неолитическая культура оставила знаки, которые крайне сложно прочитываются в контекстных интерпретациях археологов и этнологов, но легко интерпретируются с точки зрения противопоставления двух сезонных пар. Их схематическая прорисовка приведена на ил. 4. Б. А. Рыбаков, который выделил эти знаки в качестве характерной детали гончарной росписи трипольской культуры, причисляет их к «солярным и лунарным знакам» [Рыбаков 1965, 32], никак не расшифровывая их семантики. Однако совершенно ясно, что в эпоху неолита и энеолита Солнце само по себе еще не являлось предметом пристального интереса, оно было лишь маркером, позволявшим разграничить время внутри цикла смены сезонов.

Ил. 5. Неолитический Ф-образный знак по Голану («Миф и символ», рис. 53)

Голан выявляет аналогичные идеограммы, называя их Ф-образными фигурами, и пытается интерпретировать эти рисунки как символическое изображение происхождения мира из первичного яйца (ил. 5) [Голан 1993, 34]. При этом в приведенных им примерах только первые два рисунка, вероятно, годятся для такой интерпретации. Остальные несут отчетливые признаки идеограмм, выделенных Рыбаковым.

Изобретение первого зодиакального квартета

Будем исходить как из эмпирического факта из того, что точка лета, маркирующая летнее солнцестояние в VI тыс. до н. э., была

обозначена знаком Девы. Это, конечно, нельзя рассматривать как случайность. Нельзя считать случайным и то, что все приведенные выше идеограммы замкнуты в круг или овал. Круг являлся символом верховного божества, которое и в палеолите, и в неолите представлялось в женском облике. Голан называет его Великой богиней, но мы можем оставить и название Дева, тем более что некоторые варианты этимологических трактовок позволяют увязать эту морфему с обозначением божества (но ни в коем случае не «девственности» в современном понимании этого слова, поскольку альтернативная трактовка предпочитает ассоциировать ее с семемой «кормящая молоком» [с соответствующими морфами «доить» и «дети»]). Одновременно круг (или овал) обозначал небо. При этом важно понимать, что семантически небо в раннеземледельческой неолитической культуре было не местом обитания небесных светил, а источником дождевых атмосферных явлений – «мглой», «облаком», «туманом», что довольно однозначно фиксируется этимологией практически всех языков⁹. Светила перемещались между хранилищем живительной небесной влаги и землей. (Согласно одной из трактовок солнце в неолите – это порождение огнедышащих земных недр.)

Согласно Голану, палеолитическая и неолитическая Великая богиня отнюдь не была воплощением добра. Она, скорее, олицетворяла могучие силы природы – как созидательные, так и разрушительные¹⁰. Голан полагает, что образы первичных неолитических богов были многогранными и этически не дифференцированными. Позднее они все более дробно расщеплялись на свои многочисленные конфликтные ипостаси, которые персонифицировались в виде специализированных мифологических персонажей. Поэтому он находит черты неолитической богини и в славянской Мокоши, и в греческой Артемиде (и та и другая часто изображались с рыбьим хвостом), и в месопотамской Иштар (с птичьими ногами – сохранившийся признак причастности к небу), и в египетской Нут (как, впрочем, и в обильно плачущей Исиде). С упрочением монотеизма указанные мифологические божки стигматизируются и записываются в разряд всевозможной «нечисти», однако продолжают жить в народном сознании.

⁹ Это забавное и парадоксальное для современного восприятия этимологическое расслоение может служить косвенным подтверждением того, что первоначально светила маркировали в большей степени ритм и порядок, а не то место, где они располагались.

¹⁰ «По представлениям неолитической религии, Великая богиня была одновременно и всеобщей матерью, дающей жизнь, и демоном, поедающим умерших подобно грифу» [Голан 1993, 173].

Если эта логика верна, то гораздо более разумно предположить, что неолитическая Великая богиня как главное божество символизировала собой не лето, а наиболее амплитудные экстремумы годового цикла – солнцестояния, как зимнее, так и летнее. То есть и Дева, и Рыбы были полярными аспектами одного и того же женского божественного существа, по-разному репрезентирующего себя в экстремальные моменты годового цикла. Напряжение инвертированного удвоения вообще присуще почти каждому неолитическому символу. Попытка не просто повторить, а объединить два подобных символа посредством инвертирования одного из них (чтобы они являлись зеркальным отображением друг друга) – очень распространенная комбинация в неолите. Это дает основание полагать, что в данном случае отображалась не столько «вещь», сколько «принцип» выстраивания отношений между вещами (ил. 6).

Ил. 6. Культ двоичного божества (а) по Голану («Миф и символ», рис. 295);
и (б) «удвоение бараньих рогов» (там же, рис. 91)

В этой логике становится понятным обозначение точки весны знаком Близнецов, генезис которого напрямую увязывает его со знаком двух солнц. Он обозначал весеннюю фазу противостояния темного и светлого небес – светлую фазу растущего дня. Появление этого знака, как и знака двух небес, датируется началом неолита, и ранее он нигде не встречается (ил. 7). Как утверждает Голан, его дальнейшая проработка приводит к появлению представления о Янусе – другом великом боге неолитической религии (ил. 8).

Ил. 7. Генезис перехода от знака двух небес к знаку близнецов (а через них к Янусу) по Голану. Рисунки 1 и 2 относятся к системе неолитических знаков, а 3 и 4 – к символам эпохи ранней бронзы («Миф и символ», рис. 285). Голан пишет: «Соответственно тому, как два знака неба в виде дисков могут быть соединены линиями (1, 2), это могло продельваться и с двумя знаками неба в виде дуг (3, 4). Сопоставляя [изображения] 2 и 3 (они оба относятся к 3 тыс. до х. э.), мы видим, что семантика их должна быть близка, а может быть и идентична.

На [изображении] 2 диск рассечен надвое диаметральной линией. На [изображении] 3 эти половинки диска развернуты на 180° и соединены «связкой». Кроме того, дуги, которые были вписаны в диск, превратились в треугольники (это явление, как мы знаем, было обычным). В результате получилась графическая фигура, напоминающая изображение двух голов, направленных лицами в противоположные стороны. Отсюда, как представляется, возник образ двуликого божества» [Голан 1993, 136]

Ил. 8. Двуликий бог Янус из «Собрания схематических рисунков» А. Голана («Миф и символ», рис. 286). Первое изображение шумерское, второе – египетское, третье – ассирийское, четвертое – кавказское, пятое – хеттское. Голан отмечает: «К выводу о том, что изображение двуликой головы есть антропоморфизация Ф-образного знака, пришел также немецкий исследователь О. Хут... Древнейший из известных двуликий бог представлен в шумерских изображениях 3 тыс. до х. э.; он исполняет роль посланца верховного бога Энки. Но почему он двуликий, шумерские мифы не объясняют.

Видимо, это у шумеров персонаж заимствованный» [Голан 1993, 136]

Гораздо сложнее интерпретировать осенний знак, обозначаемый Стрельцом (ил. 9). Вряд ли уместно говорить о нем только как об охотнике. Его маскулинность, часто подчеркиваемая могучей эрекцией, в сочетании со стрелой, которая коннотировала охоту в очень широком диапазоне значений, часть которых была, вероятно, табуирована, заставляет видеть в нем другого главного бога неолитической религии – так называемого Черного бога, которого часто называют «мужем» Великой богини.

Ил. 9. Стрелец. Перерисовка с вавилонского пограничного камня (кудурру). Датируется 1186–1172 гг. до н. э. Оригинал резного пограничного известнякового камня (высота 51 см) находится в Британском музее (No. 90829). Он был найден в Сиппаре, примерно в 60 км к северу от Вавилона и в 30 км к юго-западу от Багдада. Изображение также содержит элемент «двуликости» (маска и голова собаки)

Сочетание этой пары очень древних богов определилось, по всей видимости, уже в палеолите. И если Великая богиня ассоциировалась с небом, то Черный бог – с землей. С богиней соотносились круг, птица (в случае ее злого начала – гриф), белый цвет; с богом – квадрат или крест, собака, змея и черный или красный цвет. Предполагается, что в неолитической религии он был низвергнут Великой богиней, но изредка поднимался на небо в виде огненного крылатого змея. Змей – один из атрибутов Черного бога и один из его обликов. На неолитических рисунках змея часто изображалась с головой в виде наконечника стрелы. Кроме того, змея часто и устойчиво выступает в качестве субститута пениса. Тема проблемных отношений Девы и Змея довольно репрезентативно представлена уже в палеолитических рисунках (ил. 10). Весь комплекс этих символов позволяет заподозрить в качестве означаемого события некое трагическое падение, что хорошо соотносится с астрономическими характеристиками интервала времени, в ходе которого осуществляется переход от светлого солнца к темному – постепенное увеличение

продолжительности темного времени суток вплоть до самой длинной ночи в день зимнего солнцестояния.

Ил. 10. Франция, палеолит. Приводится по «Собранию схематических рисунков» А. Голана («Миф и символ», рис. 382)

Сложно сказать что-то более определенное о том, каким образом воспринималась указанная символика и как она функционировала в культуре раннеземледельческих обществ эпохи неолита. Хотя, по всей видимости, членение астрономической символики, реконструированное средствами семиологии, делает более понятным парадокс так называемых «четырёхчастно-парных символов»¹¹, семантика которых до сих пор считается не вполне ясной (ил. 11).

Ил. 11. Неолитические четырёхчастно-парные символы из «Собрания схематических рисунков» А. Голана («Миф и символ», рис. 208)

¹¹ «От эпохи неолита, – пишет Голан, – дошли до нас рисунки, выражающие некие представления о “двоичности” и “четвертичности”; эти представления были взаимно связаны» [Голан 1993, 135].

Если наши рассуждения верны, то подобные символы фиксируют не объект, а саму функцию членения, то есть являются визуализацией операции артикуляции – своеобразной семиологической «памяткой», фиксирующей оппозиции интервалов, которые можно выстроить внутри цикла тропического года. Это еще не было сезонами в современном понимании этого слова. Сезоны установились позднее, в ходе последующих перекодировок неолитического «протозодиака» в результате смещений, вызванных прецессией. Но в ту эпоху люди уже изобрели письменность. На этапе бесписьменного неолита это была только первая попытка артикуляции сезонных изменений как подвижных процессов, а не как стационарных состояний.

Изобретение визирных конструкций

В ходе последующего развития раннеземледельческих культур по причинам детерминированности вегетативного цикла сезонами солнечного года происходит критическое усиление роли солярного культа, что приводит к появлению целой солярной архитектуры, позволяющей регистрировать положение Солнца относительно горизонта и таким образом определять дни солнцестояний и равноденствий. Возникают многочисленные разновидности «стоунхенджей». Современные реконструкции дают возможность понять, как функционировали эти памятники. Их принципиальной особенностью было то, что они позволяли очень точно разграничивать сезоны внутри тропического года. Технологически они представляли собой систему визиров, регистрирующих положение Солнца в дни равноденствий и солнцестояний, что давало возможность с точностью до суток определять середину каждого из четырех сезонов. По внешнему виду это могли быть кольцевые постройки наподобие Стоунхенджа, в которых регистрировалось положение Солнца на горизонте. Однако встречаются и более затейливые конструкции, например храмовый комплекс Мнайдра на Мальте в форме клеверного листа, где в качестве «регистрирующей поверхности» выступала внутренняя сторона западной стены памятника, освещаемая лучами восходящего утреннего Солнца, проникавшими через особым образом изготовленный проем в восточной стене (ил. 12).

Ил. 12. План храмового комплекса Мнайдра неподалеку от г. Кренди (Мальта).
 Время постройки около 2850 г. до н. э. Лучи восходящего Солнца озаряют центральный зал ежедневно, но только раз в три месяца они освещают строго заданные места каменного экрана. В дни солнцестояний пробившийся тонкий луч едва касается края одной из двух крупных боковых плит, стоящих на входе. В дни равноденствий обе стороны дверного проема залиты светом. Приводится по изданию [Норт 2020, 42]

Однако в раннеземледельческой неолитической культуре, которая, скорее всего, являлась изобретателем «протозодиака» (первого зодиакального квартета), такой высокоразвитой технологии наблюдений еще не существовало. Попытки разграничения сезонов предпринимались, но они осуществлялись иначе, по принципу разделения двух «небес» – летнего и зимнего. Поэтому в неолитической культуре не было солярного культа, и кружок, обрамленный «лучами», означал не «солнце, испускающее лучи», а «небо, дарующее дождь» (отчего «лучи» иногда обращались не во внешнюю, а во внутреннюю сторону кружка или «испускались» в одну сторону, что делало изображение похожим на советский Спутник-1).

Не очень понятно, можно ли выделить в отдельную традицию, занимающую промежуточное положение между раннеземледельческим неолитом и развитой эпохой бронзы, изготовление астральных изображений в виде фигур людей и животных на больших стационарных объектах. В данном случае изображения являлись при-

надлежностью не столько вещи или постройки, сколько ландшафта. Знаки размещались на элементах рельефа земной поверхности таким образом, чтобы объединить небо и землю в единую космическую композицию. По мнению Дж. Норта, к числу подобных изображений можно отнести, например, так называемого «Уилмингтонского великана» – меловую фигуру, вырезанную на склоне холма близ деревни Уилмингтон (Восточный Суссекс, Великобритания), примерно в 8 км от Ла-Манша. Можно определить точку, при наблюдении с которой удлинённая фигура приобретает нормальные человеческие пропорции. С этой же точки естественная линия южного горизонта на момент середины IV тыс. до н. э. была видна таким образом, что созвездие Орион, ежедневно менявшее свое положение в результате годового движения звезд, казалось шагающим по гребню холма [North 1966, 196–206]. В местечке Уффингтон на севере Англии на склоне известнякового холма вырезан огромный контур так называемой «Уффингтонской белой лошади», которая могла быть и другим животным, поскольку ее облик не позволяет строго отнести ее к какому-либо биологическому виду. Однако восходившая над ней в ту же эпоху яркая звезда Альдебаран, место восхода которой было маркировано особой тропинкой, дает основание полагать, что таким образом помечалось созвездие, которое сегодня носит название Телец [Норт 2020, 37].

Совершенно особым образом были организованы стационарные астрономические памятники культур, в которых практиковалось кочевое скотоводство. На юге Сибири, в Хакасии, непосредственно под вершиной горы Черная на северном склоне располагается площадка, на стене которой вырезано изображение медведя (видимо, медведицы) в окружении девяти стрел, часть которых попала в нее, а часть пролетела мимо. С той же северной стороны к подножию горы примыкают два могильных кургана, рядом с которыми искусственно установлены каменные плиты. Если наблюдать горизонт с площадки, используя плиты как визиры, то они обозначат интервал шириной 3° , в центре которого располагается точка севера. Как полагает интерпретатор этого памятника В. Е. Ларичев, края указанного интервала задавали крайние азимуты звезд ϵ и ζ (эпсилон и дзета) созвездия Малой Медведицы, между которыми в момент основания памятника находился северный полюс мира (также перемещающийся среди звезд из-за прецессии) [Ларичев 1992]. На сегодняшний день количество подобных обнаруженных и исследованных памятников исчисляется сотнями [Астрономия 2002; Мировоззрение 2001].

Субстанцией выражения в данном случае являлся земной ландшафт с элементами искусственных сооружений монументального характера, которые служили прототипами уже не столько изобразительного искусства, сколько архитектуры. Что касается формы выражения, то она включала в себя астральные изображения, но не исчерпывалась ими. Как и в случае костяных пластин с насечками, форма выражения образовывала синтагму, которая сама являлась означающим для чего-то другого. То есть здесь мы опять имеем дело с иерархическим удвоением кода, в котором астральным изображениям отводилась совершенно определенная роль. Они, во-первых, сообщали информацию о том, какое созвездие (либо астеризм) является предметом наблюдения, во-вторых, помечали тем или иным способом место, с которого должно производиться наблюдение. Если использовать терминологию У. Эко, то сами астральные изображения можно было бы назвать «иконическими кодами», устанавливающими соответствие между определенным графическим знаком и отличительными признаками памятника. По мнению Эко, именно на этом держится то, что он называет «кодом узнавания» [Эко 2006, 160]. Подлинной формой выражения, относящейся не столько к астральному рисунку, сколько к конструкции, которую он помечал, являлась система визиров, задающая значимые участки горизонта.

Логично предположить, что субстанцией содержания в данном случае была регламентация жизненных ритмов в соответствии с циклической сменой сезонов. Это можно было делать, наблюдая как Солнце, так и созвездия. Действительно, внимательные наблюдения за ориентацией и моментами кульминаций практически каждого созвездия в разные периоды ночи позволяют маркировать смену сезонов внутри годового цикла. Особенно полезны в данном случае приполярные созвездия, поскольку они никогда не заходят под горизонт. В отличие от «стоунхенджей» памятники, привязанные к звездам, были, по всей видимости, сооружены кочевыми или полукочевыми племенами, когда (как это было, скажем, у казахов) кочевание происходило между местами более или менее продолжительных стоянок – летней и особенно зимней. При перекочевках азимуты и времена восхода или захода светил меняются, однако последовательность кульминаций, сдвигающаяся по времени внутри солнечных суток из-за подвижности Солнца, смещающегося по эклиптике примерно на 1° дуги, или 4 временных минуты, за сутки, вполне годилась для слежения за сменой сезонов. И наблюдение за ориентацией и временем кульминаций созвездий (либо за их положением отно-

сительно горизонта в то или иное время ночи) действительно могло использоваться в качестве средства регламентации перекочевок.

Заманчиво назвать временные периоды, о которых идет речь, годом в современном понимании этого слова. Однако, как уместно замечает Дж. Норт, следует воздерживаться от привнесения в нашу предысторию собственных предубеждений. Он полагает неочевидным использование первобытными культурами таких понятий, как «день» или «сутки» (не говоря уже о годе), даже на тех стадиях развития, когда наблюдения за Солнцем приобрели устойчивый и высокоорганизованный характер. «Можно с большой вероятностью предположить, – пишет он, – что солнечные календари – в самом широком смысле неких средств для слежения за сменой сезонов – первоначально не имели ничего общего с подсчетом дней. Скорее всего, они основывались на изменении порядка восхода и захода Солнца над горизонтом в течение года» [Норт 2020, 21]. И он, вероятно, прав. Умение регистрировать эмпирический факт альтернатив – это еще не обладание полноценным представлением о сутках как о единице измерения замкнутых временных интервалов. Однако все, что можно было сделать с помощью наблюдений за Солнцем на горизонте, можно было сделать и наблюдая кульминации звезд и созвездий. И в отличие от первого способа, который работал только для оседлых культур, наблюдение кульминаций звезд давало нужные ответы в том числе и при кочевом образе жизни.

Функции ритуала в бесписьменных обществах

Как можно догадаться, серьезной проблемой археоастрономических наблюдений было не только отыскание соответствий между паттернами созвездий (либо положением Солнца) и интервалами, задаваемыми визирными конструкциями, но и удержание в памяти способов извлечения из них информации. Следует сразу признать, что наши суждения об этом предмете могут быть исключительно гадательными. В одном из своих сочинений Ю. М. Лотман попытался дифференцировать «формы памяти» письменной и бесписьменной цивилизаций. Он утверждает, что «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации» [Лотман 1987, 4]. После изобретения письменности возникает тенденция запоминать не столько норму, которая не представляет собой ничего нового и регулярно воспроизводится в ритуале, сколько отклонения

от нее – эксцессы. Именно такие события – «выпадающие из ряда» – попадают в хроники и летописи, становятся достоянием газет. «Но, – пишет Лотман, – представим себе возможность другого типа памяти – стремление сохранить сведения о порядке, а не о его нарушениях, о законах, а не об эксцессах» [Лотман 1987, 5]. Тогда на первый план выступают «не летопись или газетный отчет, а календарь, обычай, этот порядок фиксирующий, и ритуал, позволяющий все это сохранить в коллективной памяти» [Лотман 1987, 5]. В такой культуре роль письменности будут выполнять «мнемонические символы – природные (особо примечательные деревья, скалы, звезды и вообще небесные светила) и созданные человеком: идолы, курганы, архитектурные сооружения – и ритуалы, в которые эти урочища и святилища включены» [Лотман 1987, 5]. «Общество, построенное на обычае и коллективном опыте, – продолжает Лотман, – неизбежно должно иметь мощную культуру прогнозирования. А это с необходимостью стимулирует наблюдения над природой, особенно над небесными светилами, и связанное с этим теоретическое познание. Некоторые формы начертательной геометрии могут вполне сочетаться с бесписьменным характером культуры как таковой, имея дополнением календарно-астрономическую устную поэзию» [Лотман 1987, 7–8].

В условиях отсутствия письменности роль ритуала должна была заключаться в непрерывном воссоздании некой смысловой среды, консервирующей значения, выработанные в культуре в виде устойчивых дискретных совокупностей. Эта среда должна была осложнять дрейф исходных значений в результате стихийных креолизаций и контоминаций членораздельного языка. Как пишет Рабинович, «явление природы, отражаясь в культуре... делается уже явлением метафизическим, и в этом качестве его соотнесенность со своим источником (природой) перестает быть существенной» [Рабинович 1978, 143–144]. Превращаясь в категорию культуры, артикулированные фазы годового цикла могли начать жить своей жизнью, независимо от тех природных процессов, артикуляция которых привела к их появлению. Логика формирования и развития культуры испытывает тенденцию увлекать значения добытых знаков и символов в направлениях, которые могут не совпадать с реальными природными ритмами. В этом смысле К. Леви-Строс вполне прав, утверждая, что «область ритуального не является реакцией на жизнь, а выявляет то, что сделала с жизнью мысль. Не будучи непосредственным откликом ни на мир в целом, ни даже на опыт, полученный о мире, она откликается на способ, характерный

для размышлений человека о мире. Тот факт, что в конечном итоге область ритуального стремится к преодолению, говорит не о сопротивлении мира человеку, а о сопротивлении, которое человеку оказывает его мысль» [Леви-Строс 2007, 647]¹².

Таким образом, ритуал можно рассматривать как альтернативную форму артикуляции, ориентированную не на диссипацию значений, которая неизбежно осуществляется в членораздельном языке, а на их резервацию. Функционально ритуал вполне годился на роль инструмента артикуляции. Изучение морфологии участков коры головного мозга, ответственных за высшую нервную деятельность, выявило тесную связь речевых центров и центров произвольного движения. Собственно, как показывают современные исследования, речевая артикуляция может быть рассмотрена как разновидность произвольного действия, в которой участвуют не рука или нога, а губы и язык. Морфологически участки коры человеческого мозга, ответственные за движение и говорение, локализованы в одном и том же так называемом «двигательном анализаторе» (если использовать терминологию И. П. Павлова), хотя и дифференцированы друг от друга [Лурия 1962, 144].

Важно заметить, что в способах реализации действия и речи существует очевидная симметрия. Все выводы, полученные Р. Jakobsonом на материале афатических нарушений, с определенными оговорками могут быть экстраполированы и на апраксию. Известно, что Jakobson сумел наиболее четко и убедительно аргументировать свое представление о метафорическом и метонимическом планах языка, рассмотрев два принципиально отличных друг от друга типа афазии: «расстройство селекции и субституции при относительной стабильности комбинации и контекстной композиции; и, наоборот, нарушение комбинации и контекстной композиции при относительной сохранности норм селекции и субституции» [Jakobson 1990, 116]¹³.

¹² Или в альтернативном переводе: «Ритуал не есть реакция на жизнь. Он есть реакция на то, что из жизни сделана мысль. Он не соответствует непосредственно ни миру, ни опыту мира; он соответствует лишь тому образу, в котором человек мыслит мир. То, что ритуал в конце концов пытается превозмочь, не есть сопротивление, которое оказывает человеку мир, но есть сопротивление, которое оказывает человеку его собственная мысль» [Топоров 1988, 57].

¹³ В первом случае больные легко комбинировали слова в фразы, но испытывали сложности с определением значений используемых слов (не умели подобрать подлежащего, полностью утрачивали представление о синонимичности и т. д.). В качестве типичной фразы таких пациентов обычно приводится следующий хрестоматийный пример: «Я ведь тут, ну, когда я был, я не знаю, как это, ну, когда я, а теперь это же, еще, да» [Jakobson 1990, 115]. Во втором случае, наоборот, смысл слов не страдал, но возникали сложности с построением из них предложений, что придавало речи так называемый «телеграфный стиль»: «Вот... фронт... и вот... наступление... вот... взрыв... и вот... ничего... вот... операция... осколок... речь, речь... речь» [Лурия 1962, 180].

Как показали исследования физиологии мозга, нарушения произвольных движений также можно разделить на два полярных класса, только в данном случае сигнификативной функции (селекции и субституции) будет соответствовать навык владения каким-либо набором элементарных движений, а дистинктивной (комбинации и контекстной композиции) – умение складывать элементарные движения в то, что А. Р. Лурия назвал «кинетической мелодией» [Лурия 1962, 64] – правильной последовательностью возбуждения и денервации мышц, обеспечивающей плавный переход от одного действия к другому. Например, анализ нарушений, вызывающих расстройство «композиции», позволяет связать их с повреждениями так называемой «премоторной области» коры головного мозга. Было отмечено, что поражение премоторных отделов коры мозга человека не ведет к выпадению движений и не вызывает стойких парезов. Однако в этих случаях «движения становятся недифференцированными, неловкими; сложные по своему составу двигательные навыки распадаются, каждый элемент движения начинает требовать специального волевого усилия» [Лурия 1962, 167]. Совсем другой тип нарушений наблюдается при повреждении так называемой постцентральной корковой области. «При данной форме апраксии, – пишет Лурия, – зрительная организация внешних пространственных координат (верх, низ, правое, левое) может оставаться сохранной; страдает прежде всего нужный набор кинестетических импульсов, осуществляющих движение. Больной... хорошо ориентируется в направлении движения: он не будет держать нож или ложку в неправильном положении, не пойдет налево вместо того, чтобы идти направо и т. д. Однако, пытаясь взять какой-либо предмет, застегнуть пуговицу или завязать шнурок на ботинке, он не сможет найти нужный набор тонких движений» [Лурия 1962, 157].

То есть у человека есть два принципиально различающихся двигательных навыка – кинестетический (владение наборами тонких движений) и кинетический (умение складывать эти наборы в плавную последовательность действий, в «кинетическую мелодию»). Они же позволяют объяснить афатические нарушения, разграниченные Якобсоном. Нарушение первого навыка относится к так называемой «кинестетической моторной афазии», а второго – к «кинетической» форме моторной афазии. Или, как это звучит в трактовке Лурии, «больные, активная речь которых пострадала в результате акустико-гностических дефектов или дефектов кинестетической основы речевого акта, проявляют заметные трудности в нахождении нужных артикуляций, но, как правило, сохраняют общую мелоди-

ческую структуру речи. Наоборот, больные с “кинетической моторной афазией”, лучше сохраняя отдельные артикуляции, как правило, теряют мелодическую структуру речи, и даже на поздних стадиях обратного развития их речь, сохраняя остатки “телеграфного стиля”, обычно остается мелодически невыразительной» [Лурия 1962, 181]. Как бы то ни было, очевидно, что и ритуал (если понимать под ним строго выверенную последовательность человеческих движений и действий), и членораздельный язык могут выступать паритетными артикуляторами значений одной и той же знаковой системы. Однако, по всей видимости, векторы их артикуляций являются полярными.

Известно, что творческая артикуляция испытывает тенденцию к сближению синтагматического и парадигматического планов языка. Согласно Барту, «всякая метафорическая последовательность представляет собой парадигму, превращенную в синтагму, а всякая метонимия – застывшую и поглощенную системой синтагму. В метафоре селекция становится смежностью, в метонимии смежность становится полем селекции. Творческий акт всегда происходит на границе между этими двумя планами» [Барт 1975, 156–157]. Однако если язык осуществляет указанное сближение экстенсивно, то есть непрерывно наращивая количество значений, то ритуал – интенсивно, то есть пытаясь вернуть актуальность стертым тропам, отгрызая их в состояние исходного обнаружения. При этом также проявляется эффект наращивания, однако он состоит во все более плотном дроблении способов означивания при сохранении общего контура означаемого.

Основатель структурной антропологии К. Леви-Стросс обращает внимание на то, что «область ритуального обнаруживает постоянную потребность в двух процессах: с одной стороны, это разделение на части, с другой – повторение» [Леви-Стросс 2007, 638]¹⁴. Пытаясь уловить смысл подобных действий, Леви-Стросс приходит

¹⁴ Комментируя практику проведения ритуала у навахо, Леви-Стросс пишет: «Указанные ухищрения придают особую роль наиболее устойчивым фазам совокупностей действий, растянутых чуть ли не до бесконечности подробнейшим детализированием, когда они обретают уже искаженные пропорции и производят полное впечатление “замедленной съемки”, граничащей с топтанием на месте и неподвижностью; но одновременно с этим мы обнаруживаем другой, не менее поражающий нас прием: при помощи значительных словесных затрат область ритуального ударяется в буйство повторений; одна и та же формула или различные формулы, родственные по своему синтаксису или созвучию, повторяются через короткие промежутки времени и оцениваются, если можно так сказать, лишь дюжинами; одна и та же формула должна быть повторена большое число раз подряд, или же некая фраза, довольно убогая по смыслу, оказывается зажатой и как бы растворенной между двумя грудками сваленных в кучу, совершенно подобных друг другу, но лишенных смысла формул» [Леви-Стросс 2007, 639].

к парадоксальному выводу. «По-видимому, – пишет он, – приемы разделения на части и повторения противостоят друг другу: действительно, речь идет то о введении различий, какими бы незначительными они ни были, в рамках тех действий, которые могли бы показаться тождественными; то, наоборот, о неимоверном числе воспроизведений одного высказывания. Однако на самом деле первый прием приводит ко второму, являющемуся в некотором роде его пределом. Различия, ставшие неизмеримо малыми, стремятся к смешению в некоем подобии тождественности» [Леви-Строс 2007, 639–640]. Таким образом, ритуал консервирует добытые значения, оберегая установившиеся смыслы и значимости от постоянных попыток языка преодолеть их посредством экспансии, креолизации или постепенного истирания в рутинизированном словоупотреблении. Ритуал возвращает ситуацию парадокса к ее исходной точке и средствами нечеткой логики санкционирует прозрение, позволяя последнему укорениться в вербальной либо жестовой формуле, подкрепляемой соответствующей идеограммой.

Заключение

Мы убедились, что изображения палеолитического и раннеземледельческого неолитического периода были насыщены в том числе и астрономическими смыслами, хотя порой их бывает трудно отделить от вспомогательных, а точнее, дополнительных смыслов, поскольку вряд ли астрономический смысловой слой был доминирующим. Скорее всего, он был индуцирован значительно позже изобретения базовых знаков и проявил себя в полной мере лишь с возникновением полноценной солярной астрономии.

Анализируя знаковые системы палеолита и раннего неолита, мы нуждаемся в некотором подспорье. Мы не имеем понятия о деталях исторической ситуации, в которой вырабатывались корреляции между означающим и означаемым в столь далеких от нас культурах. Поэтому мы не можем в точности восстановить способы членения реальности, в процессе которого возникали как значения, так и значимости астральных изображений. Тем не менее в нашем распоряжении есть логическая схема, с помощью которой можно объяснить условия возникновения интересующих нас знаковых систем¹⁵. И эта логическая схема – современное представление об уникальных

¹⁵ В данном случае я ссылаюсь на В. Н. Топорова: «Речь идет... о некоей исторической ситуации (*тине*), соотносимой с “логической” схемой, которая могла бы объяснить условия возникновения ритуала и / или мифа как знаковых систем» [Топоров 1988, 39]. Курсив Топорова. – К. И.

периодах, задаваемых космическими обстоятельствами, сложившимися на планете Земля: таким, а не иным периодом ее обращения вокруг Солнца (продолжительность года); таким, а не иным наклоном оси ее собственного вращения к плоскости ее орбиты (смена сезонов); наличием у нее единственного крупного спутника-планеты – круглой Луны (возможность измерения интервалов времени лунными фазами) и т. д.

Мы выяснили, что форма содержания астральных знаков имеет какое-то отношение к идее цикличности. Точнее, к способу, посредством которого эта идея утверждалась в человеческом сознании. Идея цикличности может быть почерпнута откуда угодно – из ежегодного обновления природы, смены человеческих возрастов и поколений, замкнутых циклов перемещений мигрирующих животных, менструального цикла (столь тесно коррелирующего с синодическим месяцем), беременности и т. д., однако вряд ли стоит сомневаться в том, что только наблюдение за вращением неба, а также перемещением по нему главных небесных светил – Солнца и Луны – позволяет выявить чрезвычайно точные и устойчивые контуры совершенно определенных циклов, относительно которых подавляющее большинство всех прочих циклов будет лишь более или менее амплитудной осцилляцией либо более или менее уравновешенной кратностью.

Жители эпохи палеолита научились использовать цикл синодического месяца. Они, безусловно, обладали представлением о сезонах, но не зависели от них столь отчаянно, как земледельцы неолитического периода. Можно сказать, что в их распоряжении было гораздо больше средств для оптимизации условий своего существования, чем у оседлого жителя. Седентаризация сузила возможности практического влияния на благополучный исход человеческого труда. Как писал Рыбаков, «по окончании пахоты и сева земледелец был уже бессилён вмешаться в процесс вызревания урожая» [Рыбаков 1965, 26]. Неуверенность в будущем была благодатной почвой для развития религиозного мистицизма, что породило сложную рефлексию в отношении причин, влияющих на рост урожая.

Приоритетными объектами внимания в этот период становятся в основном благодатная небесная влага, пашня, семя, Великая богиня неба и Черный бог земли. Но вместе с тем постепенно детализируется и представление о сезонах. Наряду с оппозицией темного и светлого неба (солнцестояниями), известной, по всей видимости, уже в палеолите, возникает устойчивое представление о промежуточных сезонах, соответствующих равноденствиям. В частности,

культ близнецов, генетически связанный с богом Янусом, получает распространение только в неолите и не имеет палеолитических аналогов. Получает широкое распространение четырехчастно-парная символика. Сезоны индивидуализируются и начинают представляться в виде антропоморфных символов: весна в виде близнецов, лето в виде беременной женщины с колосом в руке, осень в виде лучника, который после одомашнивания лошади превращается в стреляющего наездника или кентавра. Исключением является зима, обозначаемая парой рыб, тела которых ориентированы обратным образом. Возникает протозодиак, заложивший модель для последующих зодиакальных обозначений, потребность в которых диктовалась еще одним космическим циклом – прецессией земной оси.

По мнению А. А. Гурштейна, «это [изобретение протозодиака. – К. И.] было величайшим интеллектуальным прорывом, поскольку с появлением указанного концептуального нововведения обязанности древних астрономов существенно упростились: отпала необходимость регулярного наблюдения за длиной солнечной тени или положением восходов на горизонте. Начало годового сезона могло быть определено моментально, с первого взгляда (почти так же, как начало лунного месяца по изменениям внешнего вида Луны)» [Gurshtein 2017, 103]¹⁶. Данное утверждение звучит очень красиво, но вряд ли все было так однозначно и прямолинейно.

Наблюдения, несомненно, продолжались, иначе каким образом в более поздние эпохи могли возникнуть многочисленные стоунхенджи и постройки, аналогичные им по функциям? Однако что точно изменилось, так это отношение к Солнцу. В эпоху бронзы более или менее повсюду поверхность Земли охватывает огромное количество архитектурных комплексов, увязывающих распределение людских поселений системами визиров, прочно сцепленными со значимыми солнечными направлениями. Неолитические символы небесной влаги и Великой богини заслоняются (но не полностью затмеваются) новой идеологией отношения к небу. Наряду с этим ведется массивная работа по организации жизни на земле в строгом соответствии с небесным порядком. Астральные изображения перестают быть самостоятельными объектами и превращаются в иконические коды, маркирующие сложно организованные ландшафтные комплексы-визеры, предназначенные для слежения за сменой сезонов.

Очень важно понимать, что субстанцией выражения в данном случае были не астральные рисунки сами по себе, а особым образом

¹⁶ Перевод мой. – К. И.

выстроенные архитектурные конструкции, снабженные астральными рисунками, на которых держался код узнавания. В свою очередь, субстанцией содержания было не небо как таковое (или, как обычно говорят, психологическое представление о небе – так называемый «концепт» неба), а последовательность действий, регулирующих ритмы жизнеобеспечивающих практик древнего оседлого жителя.

Но субстанции как выражения, так и содержания – это всего лишь «аморфные массы», как называл их Р. Барт [Барт 1975, 138]. Чтобы приблизиться к форме содержания астрономических синтагм, нужно что-то знать о механизмах артикуляции, которые, опять же по Барту, осуществляли «двойную детерминацию» значения и значимости. Инструментом одновременного членения бесформенных масс субстанций как выражения, так и содержания, благодаря чему возникали смысл и упорядоченность в отношениях между означающими и означаемыми, являлись, с одной стороны, членораздельный язык, с другой – ритуал. В условиях отсутствия письменности особую роль приобретали способы удержания в памяти добытых значений. Для этого использовалось большое количество мнемонических графем и идеограмм, которые, будучи встроенными в ритуал, консервировали добытые значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Астрономия 2002 – Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002.
- Барт 1975 – *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114–163.
- Голан 1993 – *Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993.
- Корниенко 2017 – *Корниенко Т. В.* Развитие взглядов на изучение символических объектов, идеологии и общественного сознания переднеазиатских сообществ переходного к неолиту времени // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 510–515.
- Ларичев 1992 – *Ларичев В. Е.* Святилище созвездия Малая Медведица (астрономические аспекты наскальных изображений и астральные корни мифологии народов Сибири) // Северная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1992. С. 8–25.
- Леви-Строс 2007 – *Леви-Строс К.* Мифологии: Человек голый. М.: Флюид, 2007.

- Лотман 1987 – *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // *Языки культуры и проблемы переводимости.* М.: Наука, 1987. С. 3–11.
- Лурия 1962 – *Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.
- Мировоззрение 2001 – *Мировоззрение древнего населения Евразии.* М.: Старый сад, 2001.
- Норт 2020 – *Норт Дж.* Космос: иллюстрированная история астрономии и космологии. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Рабинович 1978 – *Рабинович Е. Г.* Тип календаря и типология культуры // *Историко-астрономические исследования.* М., 1978. Вып. XIV. С. 141–154.
- Рыбаков 1965 – *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // *Советская археология.* 1965. № 1. С. 24–47.
- Топоров 1988 – *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках.* М.: Наука, 1988. С. 7–60.
- Эко 2006 – *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2006.
- Якобсон 1990 – *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // *Теория метафоры.* М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.
- Gurshtein 2017 – *Gurshtein A.* The Puzzle of the Western Zodiac: Its Wisdom and Evolutionary Leaps. A Painful Ascent to the Truth. Bloomington: Author House, 2017.
- Marshack 1964 – *Marshack A.* Lunar Notation on Upper Paleolithic Remains // *Science.* 1964. Vol. 146 (3645). P. 743–745.
- North 1996 – *North J.* Stonehenge. A New Interpretation of Prehistoric Man and the Cosmos. New York; London; Toronto; Singapore: The Free Press, 1996.

Материал поступил в редакцию 15.04.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 14.08.2021